

Дырчатая Луна

Повесть

Первая часть

БУХТА, О КОТОРОЙ НИКТО НЕ ЗНАЕТ

Желтая нитка

Четвертому «А» повезло. Почему-то не пришел учитель физкультуры, и два последних урока отменили.

Народ весело загалдел и помчался из школы: кто домой, кто на пляж. Первые дни сентября в здешних местах — это еще полное лето. Море сияло спокойной синевой, желтые древние камни пахли жарко и сухо.

Гайка Малютина пошла от школы одна. Здешних ребят она пока знала плохо и не то чтобы стеснялась, а не хотела показаться слишком приставучей.

От крыльца вела густая каштановая аллея. Поглядывая перед собой, Гайка шагала по ракушечным плитам, заляпанным круглыми солнечными пятнами. На плитах валялась колючая кожа каштанов. Здесь было еще прохладно, а впереди, где аллея кончалась, полыхал белый солнечный жар. Гайка уже не первый раз позавидовала мальчишкам: их не заставляют ходить в школьных костюмах. А девочкам сказали: «Вам полагается носить форменные платья и фартучки». Многие, правда, не слушались и приходили в школу кто в чем, но Гайка была новенькая. Мама говорила, что новеньким нельзя так сразу нарушать правила.

Солнечный жар был все ближе. Аллея выводила на бугристые пустыри, которые заросли серой полынью, сурепкой и грудями непролазного дрова. По пустырям ветвисто разбегались тропинки, они вели к береговым обрывам.

Поскольку на Гайку свалились полтора часа свободного времени, она решила погулять по берегу. Несмотря на жару. Здешние места были ей почти незнакомы, а незнакомое — оно всегда манит к себе.

Вообще-то, Гайке запрещалось ходить к морю одной. «Потому что мало ли что», — говорила мама. Но Гайка успокоила совесть, сказав себе, что будет не одна. Вон впереди шагает в ту же сторону мальчишка. Тоже четвероклассник, только не из Гайкиного класса, а из параллельного, из «Б». Они даже чуточку знакомы. Вернее, Гайка знает его фамилию. Слышала, как ребята его окликали: «Эй, Гилькин!»

Гайка заметила Гулькина еще в первый день. Потому, что у мальчишки был странный взгляд. Столкнувшись в коридоре или на дворе, он смотрел вроде бы и прямо на тебя, и в то же время чуточку в сторону. Словно видел рядом что-то еще — понятное и заметное только ему. В общем, с загадкой были его желтовато-серые глаза. Хотя, возможно, Гайке это просто чудилось. Фантазий-то в голове у нее хватало.

А кроме глаз, ничего загадочного в Гулькине вовсе даже не было. Самый обыкновенный. Совершенно белобрысый, но, видимо, не от природы, а от южного солнца. У многих русских мальчишек волосы здесь летом выгорают добела...

Гулькин ровно шагал, не оглядывался. Гайка — следом, но на достаточном расстоянии, чтобы казаться независимой. Потому что больно нужен ей этот Гулькин! Просто надо, чтобы в случае чего она могла сказать: «Я гуляла не одна...»

Гулькин остановился у плоского камня-песчаника. Поставил на него ранец. Стянул белую рубашку и, скомкав, спрятал в ранце. «Вот неряха, не может свернуть аккуратно...» Потом Гулькин стряхнул сандалии и тоже сунул в ранец. А белые носочки закинул в карманы на шортах неопределенно-пыльного цвета. И, не оглядываясь, пошел дальше — босой, тощий. Коричневый, как лакированная стойка этажерки. Потертый синий ранец он теперь держал за ручку и помахивал им по верхушкам полыни.

Гайка шла шагах в двадцати и смотрела Гулькину в спину. Спина была с глубоким желобком и треугольными торчащими лопатками. Они ритмично двигались. Гайка поймала себя на том, что глядит на эти лопатки чересчур пристально. Испугалась, что Гулькин ощутит ее взгляд, и начала смотреть поверх головы.

Струился нагретый воздух, в зарослях стрекотала всякая мелкая живность. Но от обрывов уже доносилось йодистое дыхание моря и смягчало жару.

Тропинка огибала полукруглое приземистое строение из треснувшего бетона. Скорее всего, разрушенный дот, который остался после давней войны. Гулькин скрылся за дотом. Гайка заспешила, чтобы не остаться одной. Тоже обогнула бетонную развалину с черной амбразурой (из которой резко дохнуло холодом). И... чуть не налетела на Гулькина.

Тот сидел на круглом пористом камне, боком к Гайке. Рядом валялся ранец, а на нем — какая-то желто-черная тряпица. Гулькин сильно согнулся и шевелил пальцами на ногах. К ногам упала Гайкина тень. Гулькин повернулся — неторопливо и без удивления. Глянул Гайке в лицо (и вроде бы чуточку в сторону). Спросил, словно у старой знакомой:

— Ты не знаешь, как он называется? — И зажатой в руке травинкой показал на один из пальцев левой ноги.

— Знаю... Палец, — отозвалась Гайка слегка озадаченно.

Гулькин терпеливо объяснил:

— Естественно, что палец. Но как именно?.. Вот — мизинец, вот, кажется, безымянный (как на руке), вот средний. Этот — большой. А этот? — И он коснулся того пальца, что был между большим и средним. — Если на руке, то указательный. А здесь? Он же тут никуда не указывает... Ну, как?

Гайка помогала:

— Н-не знаю... — Она искренне огорчилась, что не знает.

Но Гулькин не огорчился. Сказал с удовольствием:

— И я не знаю. И все, кого спрашивал, тоже не знают. Это хорошо. На нем и завяжем. — Он дотянулся до желто-черной тряпицы, выдернул из нее мохнатую нитку. Трижды обмотал ее вокруг пальца и завязал каким-то хитрым узелком.

Гайка была рада, что начался разговор. Теперь у нее было полное право спросить:

— А зачем тебе это?

Гулькин вопросу не удивился и не сказал: «Какое тебе дело». Без особой охоты, но и без недовольства объяснил:

— От злого колдовства. Такая примета есть...

Гайка помолчала и сказала осторожно:

— А ты правда веришь в это?

Гулькин посмотрел на нее из-за острого шоколадного плеча:

— Отчего же не верить? На свете столько всякого... неразгаданного.

— Я знаю. Но про такую примету я не слыхала.

— Неужели ты не читала про Тома Сойера и Гека Финна?

— Читала. Ну и что?

— Там негры обматывают пальцы шерстяными нитками, чтобы ведьмы и колдуны не привязались. А если обмотать палец без названия — это еще надежнее. Ведь они это название тоже не знают, оттого и вредить сильно не смогут...

«Неужели ты думаешь, что колдуны и ведьмы по правде есть на свете?» — чуть не спросила Гайка. Но побоялась рассердить Гулькина. Проговорила неловко:

— А ты уверен, что эта нитка — шерстяная?

— Она же из флагдука! Из специальной шерстяной материи для флагов. Смотри! — Он схватил и расправил тряпицу.

Это и правда был флаг. Длиной в полметра. Желтый с черным кругом посередине.

— Сигнальный! Я такие видела!

Гулькин кивнул:

— Наверно, во время шторма с какого-нибудь судна сорвало и сюда занесло. Я его здесь в траве нашел... Дело не только в том, что он шерстяной...

— А в чем?

— Вообще... В морских флагах особая волшебная сила. Потому что их обдувают ветры всех морей и океанов.

«Какой чудак», — подумала Гайка, но без насмешки. Флажок этот едва ли когда-нибудь обдували океанские ветры. Принесло его сюда, скорее всего, из ближнего яхт-клуба или с какого-нибудь рейдового катера. Но Гайка не стала спорить. Она сказала опять:

— Он из сигнального свода. Называется «Ферт» и означает букву «эф».

Гулькин глянул с интересом, но не согласился:

— Это буква «И». Называется «Индия». Такой сигнал значит: «Я изменяю свой курс влево».

Спорить было рискованно. Однако здесь Гайка не уступила:

— Ты хоть что доказывай, но это «Ферт».

— Ты хоть как не соглашайся, но это «Индия», — в тон ей откликнулся Гулькин. Впрочем, без ехидства, даже скучновато.

Гайка вздохнула:

— Между прочим, мой папа — командир корабля. И он мне показывал сигналы. Дома у нас куча морских справочников.

Снова взглянув из-за плеча, Гулькин с расстановкой произнес:

— Мой... не командир корабля, но морские справочники у нас тоже есть. А свод сигналов у нас в классе каждый пацан и без справочников знает. Так что не спорь.

Гайку этот снисходительный тон царапнул. «Нет уж, это ты не спорь», — хотела начать она, а Гулькин вдруг мигнул и сказал уже иначе, добрее:

— Постой. Твой папа военный?

— Конечно! Капитан третьего ранга.

— Тогда он, вероятно, тебе объяснял военно-морской свод! А я говорю про международный... Военный я не знаю...

— А я не знаю тот, который ты знаешь... Наверно, мы оба правильно говорим, только по-разному! — обрадовалась Гайка.

— Вот и славно, что мы оба правы, — отозвался Гулькин. Но как-то рассеянно. И сразу перестал интересоваться Гайкой. Уложил флаг в ранец. Сейчас встанет и уйдет.

— Я знаю, ты в четвертом «Б» учишься, — торопливо сказала Гайка. — А я в четвертом «А».

— Да? Отчего же я тебя не знаю?

— Потому что я только в этом году поступила... А я тебя знаю. То есть фамилию. Ты Гулькин, да?

Тень прошла по Гулькину. На лице сменились удивление, досада, желание эту досаду сдержать и напускное равнодушие.

— Вовсе не Гулькин. Моя фамилия Носов.

— Ой... значит, я ошиблась... — Гайка со стыдом поняла, что не просто ошиблась, а допустила опасный промах. Конечно, мальчишку называли Гулькиным, но это было прозвище. И видимо, оно ему не очень нравилось. — Я... это случайно...

— Ничего, — снисходительно сказал Гулькин (то есть Носов). Поднялся и взял ранец.

— Носов — это очень замечательная фамилия, — жалобно сообщила Гайка.

— Что же в ней замечательного? Обыкновенная...

— Ну как же! Писатель такой. Который «Приключения Незнайки» сочинил! И «Незнайку на Луне»! Читал?

— Читал, — безразлично отозвался Носов-Гулькин. — Это не самая интересная книжка про Луну, есть получше.

«Какие же?» — хотела спросить Гайка. Но Гулькин (ой, Носов!) уже явно не был настроен на разговор. Надел ранец:

— Ну пока... — И зашагал к обрыву. Щуплый, ловкий, с желтой ниткой на пальце, у которого нет названия. Носки трепыхались у карманов, как белые крылышки. Над левым ухом торчала острая, будто сосулька, белая прядь. А вообще-то, его прямые волосы падали вниз — на уши, на тонкую коричневую шею...

«Вот так и уйдет», — с печалью подумала Гайка. Носов достиг обрыва и стал как бы погружаться в землю — это он, видимо, оказался на лесенке среди скал. Исчезли ноги, потом спина и ранец. И наконец, скрылась белая голова.

Гайка подумала и... тоже пошла к берегу.

Утро Гулькина

В начале сентября солнце встает в половине седьмого. Четвероклассник Носов, по прозвищу Гулькин и по имени Лесь, поднялся в то утро вместе с солнцем.

Он умылся на дворе, под рукомойником, прибитым к ракушечной стене сарая. Вода остыла за ночь. Утренний воздух тоже покалывал кожу холодком. Но это был непрочный холодок — вот поднимется солнце повыше, и опять разольется привычный зной.

В сарае тяжело и ритмично стучал механизм. Лесь поднял глаза. Отражатель (похожий на маленькую спутниковую антенну) был повернут к солнцу. На черной коробочке «инкубатора» дрожал оранжевый блик. Все точно, все как полагается.

Лесь вскочил на конуру, в которой обитал старый ленивый Пират — ровесник Лесья. Пират, не просыпаясь, постучал хвостом о стенки конуры. Лесь встал на цыпочки и увидел над забором солнце. Сквозь листья винограда оно светило, как золотисто-малиновая звезда. Капли на ресницах еще не высохли и разбивали пространство на радужные осколки — словно смотришь сквозь крошечные стеклянные кубики.

— Лесь! Ты уже на ногах! Даже будить не пришлось. Вот чудеса... — Это мама. Она хлопотала у садового столика с портативной газовой плиткой. — В чем причина?

Лесь не знал причины.

— Кто рано встает, тому Бог подает, — нашелся он. Это были слова бабушки, к которой он летом ездил в Белокаменку.

— Ну тогда иди к столу. Бог подает тебе кашу... А может, ты наконец решил сделать зарядку?

Лесь проворно устроился за столом:

— Видишь, я уже умылся, а после умывания какая зарядка...

— По-моему, ты лентяй.

— Ну и пусть... А зато я послушно ем манную кашу. Все ее ненавидят, а я — без всякого отвращения.

— Ты ешь варенье с примесью манной каши... — Мама отодвинула трехлитровую темно-красную банку. — Ну вот, закапал себя, чучело! Не забудь смыть, а то рубашка прилипнет.

— Непременно... — Лесь мизинцем снял с ребристой, кофейного цвета груди вишневую каплю. Облизал палец. — Ой, мама, а рубашку-то сегодня надо белую! И белые носочки. Потому что сегодня к нам в класс какие-то гости придут! На четвертый урок.

— Воображаю, на что будут похожи ваши рубашки к этому уроку...

— Нет, мы обещали Оксане Тарасовне сохранить на весь день парадную внешность... Оксана Тарасовна еще говорила, что хорошо бы черные галстучки. Такие... — Лесь провел рукой по груди вниз, — или такие, бабочкой. — И он чиркнул пальцами у ямки под горлом. — Но все мальчишки сказали, что это уж фигушки.

— Ну и напрасно. Могли хотя бы час или два выглядеть как приличные люди.

Лесь задумчиво поскреб подбородок:

— Думаешь, черная бабочка была бы мне к лицу?

— По крайней мере вреда не принесла бы... А вот очки точно были бы к лицу. А главное — полезны.

Лесь затуманился.

— Чего теперь говорить, раз кокнулись... Да у меня уже все выправилось!

— Не знаю, все ли. И надо ведь закрепить... Ты ужасно легкомысленный, Лесь.

— Нет, я не ужасно. В меру... Спасибо! — Он выбрался из-за стола. У рукомойника смыл с груди и подбородка следы варенья. И через минуту, уже в белой рубашке, надевал ранец. Потом умело закатал до локтей рукава.

— Надень-ка другие штаны. Эти мятые и все в пыли.

— Ну и пусть. Зато у них карманы удобные.

— Чтобы складывать все, что отыщешь на свалках.

— Ну естественно, — согласился Лесь. — Мама, скажи Це-це, чтобы ничего не трогала у меня на столе...

— Лесь! Ты опять? Почему ты так называешь свою... почти родную тетю?!

— А как ее называть? Полное имя говорить — язык вывихнешь. А «тетя Цеца» — вообще смешно, такого имени даже и не бывает. И она не тетя, а дама...

— Лесь, ты дождешься...

— А что я сказал? — Лесь изобразил вежливое недоумение.

— Она — наше спасение. Я целый день на работе, дяди Симы неделями нет дома, а она... Смотри, сегодня ни свет ни заря уже отправилась на рынок.

— Вот и хорошо. А меня пусть не воспитывает... Каждый раз, как приду, она будто случайно мне поясницу щупает — не сырые ли плавки. «Лесик, ты опять купался без спросу? Я умру от беспокойства...»

— Потому что волнуется за тебя. Она тебя любит... И ты должен ее любить, раз вы с дядей Симой такие друзья. Она же его родная сестра!

— Ну, я и люблю... официально. — Лесь хитро сложил рот «восьмеркой»: один край нижней губы — вверх, другой — вниз, и верхняя губа — так же. — А имущество мое пусть она не трогает. У меня все разложено как надо, а она...

— Да она и не входит к тебе в комнату. Потому что отчаянно боится твоего желтого зверя.

Лесь растянул губы в улыбке:

— Вот и славно... Мам, а когда дядя Сима приедет?

— Не знаю, он обещал позвонить мне на почту... Зачем ты толкаешь носки в карманы? Не смей!

Но Лесь затолкал. Взял сандалии и похлопал их друг о дружку.
— Ну что ты за чудо-юдо непутевое, — жалобно сказала мама. — Почему до школы надо топтать босиком?
— Берегу сандалеты. На одной уже подошва отстает.
— У тебя же есть почти новые кеды.
— А сандалии должны дожить до двадцать первого числа!
— Ты весь оброс приметами, как неграмотная бабка.
— Вообще не как бабка! У меня к приметам научный подход... Ну, я пошел!
— А почему ты сегодня так рано?
— С Витькой поиграю подольше...
Лесь крутанулся на босой пятке, глянул на повернутый к солнцу отражатель и скрылся за калиткой.

Тропинка, что вела от калитки вниз, к Шлюпочному проезду, была похожа на пологую лесенку. Прыгала по отшлифованным подошвами камням.

На последней «ступеньке» Лесь через левое плечо оглянулся на дом — приземистый, причудливый, как бы составленный из нескольких белых кубов, с окнами разной величины. Потом Лесь сбегал на ракушечный тротуар, уронил сандалии, сделал из кулаков «бинокль» и оглядел окрестности.

Это было его пространство, его земля, его мир...

Место, где стоял дом Леся, называлось Французская слободка. Давным-давно, во времена Первой осады, здесь располагался военный лагерь французов. На склонах балки, среди осыпей, до сих пор попадаются иногда иностранные пуговицы со скрещенными сигнальными рожками, с якорями не нашей формы и выпуклыми номерами полков и дивизий.

Белые улицы слободки тянулись по склону вдоль Древней балки, а крутые переулки-лестницы пересекали их.

Справа, на востоке, слободка примыкала к новому району с многоэтажными корпусами (солнце между ними светило уже горячее, без малиновых оттенков). Слева балка плавно переходила в просторные каменные пустыри, на которых лежал Заповедник — остатки ужасно старинного греческого города, где велись теперь раскопки. Среди заросших фундаментов и рассыпавшихся крепостных стен торчали одинокие мраморные колонны. Они были похожи издали на воткнутые в серую траву сигареты.

За пространством Заповедника лежало очень синее море.

Раньше на западе был виден невысокий Казачий мыс, а на нем — решетчатая башенка с зеленым маячным фонарем. Это нижний знак

Казачьего створа. (Верхний знак стоял высоко и далеко, на пологой вершукше горы Артур.) Мыс и маяк Лесь привык считать своими. Башенку с блестящим изумрудным стеклом он раньше каждый день видел из окна — с тех пор, как помнил себя. Но этой весной между мысом и Заповедником выросло серое девятиэтажное здание. И закрыло створный маяк от Лесья. Лесь был раздосадован так, словно кто-то нахально забрался в его собственный дом и заколотил окно. Один раз он даже уронил злую слезинку. И с тех пор на серый дом старался не смотреть.

Он и сейчас отвел глаза от этой дурацкой, бесцеремонно воткнувшейся в старинный берег новостройки. Подхватил сандалии и поспешил к лестнице — она вела вниз по склону балки.

В балке кучками рос мелкий орешник и всюду поднималась перепутанная овражная трава (у которой никто не знает названия). Где по колено, а где и по пояс. Она прятала под собой тропинки. В траве было множество колючек, но они ничего не могли поделать с прокаленной крепкой кожей мальчишки. В травяных зарослях еще не высохли росинки. Они чиркали Лесья по ногам словно длинными прохладными язычками. Но сверху трава высохла, и запах ее тоже был сухой — солнечный и горьковатый.

Одна тропинка вела вдоль каменного моста с тяжелыми арками. Это были остатки старинного водопровода, пересекавшего балку. (По нему и сейчас шла труба, одетая в деревянный кожух.) Лесья забрался на угловатую глыбу ракушечника, что лежала у каменной опоры. Сел на корточки, посвистел, позвал:

— Витька, Витька...

Из травы прыгнул крупный кузнечик лимонного цвета. Скакнул на камень, потом на лаково-коричневое колено Лесья.

— Здравствуй, — заулыбался Лесья. — Как живешь?

Желтый кузнечик Витька подскочил, опять сел на колено и прострекотал, что живет отлично.

— С зелеными не ссоришься?

Витька новым стрекотаньем сообщил, что живет с местными кузнечиками душа в душу.

— Никто тебя слопать не пробовал?

Витька прострекотал насмешливо: пускай, мол, только сунутся.

— Значит, зарядов у тебя хватает? Ну-ка... — Лесья поднес к Витькиной солнечной головке мизинец. — Ай! — Головка тут же стрельнула в палец крошечной молнией. Искра была чуть заметна, однако мизинец кольнула болезненно. Лесья взял палец в рот. — Я же только спросил, а ты...

Витька стрекотал виновато: прости, не рассчитал маленько.

— А не забыл, чему я тебя учил? Давай-ка. Хоп...

Лесь отставил руку. Витька высоко подпрыгнул, сделал в воздухе сальто и приземлился Лесю на ладонь.

— Хоп!

Витька тем же способом вернулся на колено. Сел в горделивой позе, стрельнул глазками: ну как?

— Молодец! В будущем году, когда выведу много твоих братишек, устроим цирк солнечных кузнечиков.

Витька радостно попрыгал на колене.

— А пока не скучай... Хотел я тебе для компании Кузю принести, но он такой домосед. Поселился в старой сандалете — и никуда из комнаты... А новичок вылупится еще не скоро...

Витька беззаботно потрещал опять. В том смысле, что вовсе он не скучает, у него тут среди местного населения множество друзей-приятелей.

— Ну и молодец. Тогда заряжайся на солнышке, а мне в школу пора.

Витька скакнул на камень, уселся попрочнее и широко развернул прозрачные, заискрившиеся крылышки — начал заряжаться. А Лесь по тропинке добрался до северного склона балки. И по каменному трапу стал подниматься к школе.

Невыносимый Вязник

Труба в деревянном кожухе, покинув каменный мост, проходила недалеко от школы. Метрах в двух над землей. Она опиралась на железные стойки. По нижнему краю кожуха сбоку тянулся широкий деревянный брус. На нем удобно было сидеть: привалишься спиной к обшивке и болтаешь ногами.

В одном месте водопровод нависал над тропой, что вела к калитке в школьной изгороди. Здесь у четвертого «Б» с давних пор было любимое место. Еще с того времени, когда он был первым «Б». В теплое время года народ всегда сидел там, дожидаясь звонка на уроки. Разговаривали, спорили, менялись вкладышами от заграничных жвачек и даже ухитрялись тут же, с тетрадками на коленях, скатывать друг у друга домашние задания.

Тем, кто подходил к школе со стороны балки, видны были изпод кожуха только болтающиеся ноги. Казалось издалека, что колыхнется коричневая бахрама. Внизу ее украшали разноцветные кроссовки, сандаlette и кеды. А сегодня бахрама была отделана еще и неровной белой оторочкой. По указанию Оксаны Тарасовны четвертый

«Б» надел белые носки и гольфы. Видимо, классная руководительница надеялась, что такая деталь костюма (вместе с белыми рубашками) придаст растрепанной, обжаренной солнцем вольнице хоть какую-то внешнюю благопристойность.

Не доходя до кожихух с полсотней качающихся ног, Лесь обулся. Потом прошелся по ногам одноклассников глазами: угадывал по башмакам, кто где. И с правого края увидел тощие «ходули» в черно-белых кроссовках. Это был, без сомнения, Вязников. И Лесь испытал примерно то же чувство, с каким недавно смотрел на серый дом. Он вспомнил, что сегодня седьмое сентября.

А может, Вязников забыл? Не то, что седьмое, а то, *что он должен сделать*.

Лесь взял левее, нырнул под кожихух, пригнулся под чьими-то каблуками и без задержки зашагал к школе. Несколько голосов его окликнули, но Лесь не оглянулся: спешу, мол. Тогда позади застучали подошвы. Рядом оказалась Натка Мальченко — тощее хитрое существо с белобрысыми торчащими косами.

— Гулькин!.. Ой, то есть Лесь! Вязников хвастался, что на большой перемене опять напишет... то, что в прошлом году.

— Напишет — заработает, — самым беззаботным тоном отозвался Лесь. — Тоже как в прошлом году...

Кто из них двоих «заработал» в тот раз больше, вопрос был спорный. И чем кончится нынче, тоже неясно. Лесь, однако, боялся не драки и синяков. Угнетала сама неизбежность скандала. И еще — то, что скандала этого ожидал весь класс. Интерес был сдержанный, деликатный такой, потому что и к Носову, и к Вязникову относились одинаково хорошо. Но стычки все-таки ждали — как ждут результата увлекательного матча.

Лесь томился этим ожиданием, ловил на себе взгляды, но делал вид, что ему совершенно все равно. Он даже ухитрился получить пятерку на уроке географии.

В классе было прохладно. Старые акации укрывали окна от солнца. Пятерка приподняла настроение Леся. На Вязникова он принципиально не смотрел. Тот на Леся — тоже. И на третьем уроке Лесю стало казаться, что, может быть, все обойдется.

Но в начале шумной двадцатиминутной перемены все та же Натка с белыми тощими косами подскочила к Лесю в коридоре:

— Лесь! Он нарисовал и написал! Пойдем...

— Пойдем, — вздохнул Лесь. Потому, что от судьбы не спрячешься.

В дальнем углу горячего от солнца двора ярко белел школьный гараж — сложенный из брусев известняка и похожий на малень-

кую крепость. Там толпился весь четвертый «Б». Когда Лесь подошел, все расступились со значительными лицами.

На известняке вверх от земли была проведена углем черта. Высотой в мальчишечий рост. Ее, как мерную линейку, украшали деления. Рядом с этой линейкой была изображена лопухая фигура с ногами-лучинками, волосами-спичками и (самое подлое!) длинющим носом, какого у Леся никогда не было. Но рисунок изображал именно четвероклассника Носова! Потому что сверху шла крупная черная надпись: «Ура! Гулькин Нос опять подрос!»

Народ смотрел на Леся. Понимающе и выжидательно молчал.

...Первый раз такое дело случилось три года назад. Сперва стройненький большеглазый первоклассник Вязников даже понравился Лесю, и он простодушно подумал, что хорошо бы им подружиться. Казалось Лесю, что и Вязников поглядывает на него с благожелательным интересом.

Но однажды во дворе, когда гоняли по ракушечным плитам мячик, никто не захотел вставать в ворота, и авторитетный Артур Глухов распорядился:

— Пусть Нос встает. Он самый маленький, маленькому легче прыгать между штангами.

Утверждение, что он самый маленький, было неточным. Это во-первых. А во-вторых, Лесь обиделся:

— Ты чего обзываешься!

— Как? — удивился Глухов.

— Носом!

— А чего такого? Раз фамилия у тебя... Меня Глухарем зовут, я же не злюсь. Нос — это разве плохо? Не хвост ведь и... ничто другое.

Может, на том бы и порешили. Но тут-то и сунулся Вязников. Махая длинными ресницами, он сообщил:

— Надо говорить не «Нос», а «Гулькин Нос». Потому что от горшка два вершка.

Маленький — это ведь не значит боязливее всех.

— Вот как тресну по кумполу! Думаешь, если длинный, значит умнее других?!

Вязников заулыбался, отошел и сказал издали:

— Сперва подрасти... Скоро ли из Гулькина Носа превратишься в Большой Нос, как у Буратино?

В тот же день Вязников на гараже нарисовал мерную черту, лопухого маленького Носова и написал крупными буквами: «Гулькин Нос расти до звезд». Грамотно написал, только запятую после

обращения и восклицательный знак не поставил, потому что знаки препинания тогда еще не проходили.

После этого Носов и Вязников подрались. И водили их в учительскую. И там воспитывали. И грузная (и вроде бы грозная) директорша Нина Владимировна сказала, что больше виноват все-таки Вязников: это ведь он сделал глупый и обидный рисунок. Пусть он пообещает больше так не поступать.

Вязников уже тогда, в первом классе, был ехиден и (надо признать) смел. Он объяснил, что не обижает Носова, а заботится, чтобы тот рос поскорее. И каждый год седьмого сентября он будет на гараже отмечать, насколько Носов вытянулся.

Нина Владимировна покусала губы и предупредила, что, если такое повторится, Вязникову придется плохо. У него вызовут родителей, и те, конечно, всплют милому сыну по первое число. Вязников гордо возразил, что ему никогда не всплют. Нина Владимировна сказала, что жаль. И велела ему и Носову идти на уроки. Решила, что до следующего сентября все забудется.

В классе Лесь и Вязников подрались еще раз, но уже чуть-чуть, потому что Глухарь их растащил.

Вязников, смеясь красивыми глазами, сообщил, что все равно каждый сентябрь будет отмечать, как Гулькин Нос подрос.

— Только попробуй, — сказал Лесь. Вязников сказал, что через год обязательно попробует. Мало того, он разъяснил первоклассникам, что «гулька» — это означает «шишка» или «волдырь». И сослался на знаменитый словарь русского ученого Даля. Папа у Вязникова был профессор.

У Леся папы не было, но был дядя Сима. Он и мама недавно поженились. Дядя Сима работал не профессором, а наладчиком электронных систем на морских судах, толковых словарей у него не водилось. Но от деда в доме осталось много самых разных старых книг, и среди них (вот совпадение!) — тоже словарь Даля! В четырех томах! Лесь открыл первый том, на букве «Г» отыскал слово «Гулька» и с горечью убедился, что Вязников прав.

Волдырь — штука мелкая. Значит, нос у волдыря (если он имеет) — вовсе малютка. Обидно вдвойне. Единственное, что мог сделать Лесь, это на следующий день сказать Вязникову:

— Если гулькин нос — крошечный, зачем ты нарисовал меня с таким длинным? Сам не соображаешь своими профессорскими мозгами, что делаешь.

— Соображаю. Это для выразительности, — ответил находчивый и образованный Вязников и опять заулыбался.

Если бы Вязников улыбался по другому поводу, он мог бы даже показаться симпатичным. Но сейчас Лесь отошел и пообещал себе, что никогда не будет разговаривать с Вязниковым. И не будет иметь с ним никаких дел.

Так оно и тянулось целый год. Плохо только, что прозвище Гулькин Нос прилипло к Лесю. Потом оно, правда, превратилось просто в Гулькина, и от этого было уже никуда не деться. Получилось, что вроде еще одна фамилия. Многие потом и забыли, почему Лесь Носов — Гулькин. Однако сам Лесь не забыл и Вязникову не простил.

Не забыл и сам Вязников. На следующий год, тоже седьмого сентября, он выполнил обещание: снова изобразил на гараже Лесья и сделал надпись: «Гулькин Нос чуть-чуть подрос».

Опять пришлось драться: надо было защищать свой авторитет. Растащили их быстро, и снова был разбор в учительской.

И в третьем классе — та же история.

Весь учебный год потом Лесь и Вязников опять будто не замечали друг друга, лишь иногда поглядывали молча. Но о своем обещании коварный Вязников помнил твердо. Вот и сегодня...

Боже мой, неужели так и жить до десятого класса?

Вязников стоял с выжидательной улыбкой и трогал у ворота черный бантик-бабочку. Да-да, он пришел с бабочкой, как просила Оксана Тарасовна. Кроме него, только еще один из мальчишек надел черный галстучек — тихий и всегда послушный Валерик Греев. Да и то у Валерика была не бабочка, а обычный галстук, переделанный из офицерского, военно-морского.

А гибкий, улыбчивый Вязников со своей аккуратной прической и бантиком был похож на официанта. Об этом Лесь подумал с некоторым удовольствием. Но мельком. Надо было делать дело. Желая все решить поскорее, Лесь нагнулся, выставил над головой два кулака и без слов ринулся на Вязникова — чтобы макушкой стукнуть его в пузо, а кулаками (если повезет) поставить синяки под каждым глазом. Кое-что удалось — за счет стремительности. Но и Вязников успел взмахом снизу вверх зацепить нос Гулькина. И когда Лесь выпрямился и помотал головой, жалостливая Любка Ткачук сказала:

— Ой, Лесь, у тебя капает...

На белую рубашку падали из носа красные градины.

«А ничуть не больно», — молча удивился Лесь. Взглянул на Вязникова. Тот морщился и прижимал руки к животу. «Сам виноват», — подумал Лесь без особой радости, но с некоторым удовлетворением. И подумал еще: «А как в такой рубашке на урок-то?»

Тут его и Вязникова взяли за плечи крепкие ладони Виктора Максимовича, учителя географии, который сегодня поставил Лесю пятерку за хорошее знание карты. Сейчас Виктор Максимович был дежурный педагог.

— Поединок окончен? Прошу господ дуэлянтов в учительскую.

— У него капает, — опять сказала Люба Ткачук. Остальные сочувственно дышали вокруг.

— Что?.. Ах да. Ну-ка, намочите мой платок.

Сбегали, намочили. Дали Лесю. И он пошел в учительскую, прижимая к носу влажную ткань.

Потом он минут пять посидел в прохладной учительской — с запрокинутой головой и платком на лице. Это было даже приятно.

— Ну что, Носов, — сказала наконец Нина Владимировна. — Все еще капает?

— Кажется, нет... — Лесь встал и посопел.

— Очень хорошо... Ну, что же теперь с тобой делать?

— В каком смысле? — сказал Лесь.

Виктор Максимович хмыкнул. Оксана Тарасовна тихонько застонала. Две молоденькие учительницы — музыки и рисования — весело переглянулись.

— А в том смысле, Носов, — охотно разъяснила директор, — что ты устроил драку, грубо нарушил дисциплину, и теперь я вынуждена принять решительные меры.

— Зачем? — спросил Лесь, посопев (нос, кажется, припух).

— Затем, чтобы впредь такие безобразия не повторялись.

— Пускай не рисует, не будет и повторений, — отвечивал Лесь, ощущая полную правоту.

— Вязников, конечно, тоже виноват, — вмешалась Оксана Тарасовна. — Однако начал ты! Зачем выяснять отношения кулаками?

Лесь посопел опять и разъяснил:

— Я, собственно, головой...

— Головой ты ему попал в корпус, — уточнил Виктор Максимович. — А синяк под его глазом — несомненный след кулака.

— Да? — с интересом откликнулся Лесь. — А где он?

— Я же говорю: под глазом.

— Вязников где? Отчего со мной с одним разбираются?

— А оттого, голубчик, что твой... соперник направлен стирать со стены свое художество, — сообщила Нина Владимировна. — Не волнуйся, отвечать будете оба по справедливости.

— Это совершенно бессмысленно, — сказал Лесь с некоторым сочувствием к Вязникову. — Уголь от белой стенки не оттереть, придется закрашивать.

— С этим мы разберемся, — добавила строгости директорша. — Ты лучше скажи: *с тобой* что делать?

— Что хотите, — откликнулся Лесь со спокойствием плененного героя, который успел совершить задуманный подвиг.

— Чего уж тут делать-то, — заметил Виктор Максимович. — И так собственным носом поплатился человек. Можно сказать, испытал кровью.

«Музыкантша» и «художница» хихикнули и опасливо глянули на директоршу. Будто школьницы. Оксана Тарасовна (тоже еще молодая, но более опытная) сказала опять со стоном:

— Но как он будет сидеть на открытом уроке? Там мои коллеги из пединститута, речь пойдет об эстетическом воспитании, а он в таком виде...

Лесь опасливо тронул нос:

— Очень распух?

— В порядке твой нос! Но рубашка!

Лесь вспомнил, глянул себе на грудь. Мамочка! Десяток бурых пятен.

— Да-а... — тихонько вздохнул он.

— Вот тебе и да! Марш домой и переоденься. На этот урок не попадешь, но хотя бы придешь на пятый, на музыку.

Лесь бросил взгляд на «музыкантшу»:

— Я, наверно, не успею.

— Значит, будешь прогуливать до завтра. По собственной вине, — сообщила Оксана Тарасовна.

— А завтра воскресенье.

— Ты надо мной издеваешься, да?

— Отнюдь, — сказал Лесь.

— Брысь отсюда, — печально велела Оксана Тарасовна.

— Виктор Максимович, платок я выстираю и в понедельник принесу, — с достоинством проговорил Лесь.

— Буду весьма признателен.

— До свидания. — И, трогая нос, Лесь покинул учительскую.

— Вот сокровище растет, — сказала ему вслед утомленная педагогическими заботами Нина Владимировна. — Господи, скоро ли на пенсию?

— Он знаете на кого похож? — весело вмешалась «музыкантша». — На маленького бродягу-скрипача из фильма «Солнце Неаполя». Есть там такой персонаж, дитя итальянских улиц.

— Не итальянских улиц, а здешней окраины, — проворчала Нина Владимировна. — И не скрипач, а хулиган. Сорванец из Французской слободки...

— Ну не скажите, — возразил Виктор Максимович. — Иногда сквозь сорванца проглядывает этакий... лицеист. Возьмите его эти «отчего» вместо «почему» или «отнюдь» и так далее... Кстати, дед его был знаменитый местный краевед и умелец, очень образованный человек...

— Все они образованные, — не сдалась директор, — только сладу нет. Этот Вязников — вообще профессорский сын, а что себе позволяет! Зачем он изводит Носова? Бессовестный...

— Совершенно бессовестный, — грустно согласилась Оксана Тарасовна. — Зарезал меня без ножа. Его ведь теперь тоже нельзя на урок пускать с таким синячищем! А я так на этого Вязникова надеялась. Он и отвечает всегда прекрасно, и один из всех с бабочкой пришел... Ой, Нина Владимировна, я побежала, гости уже в классе, наверно...

— Ни пуха ни пера... Знаю, знаю, куда идти... А с этим Носовым вы все-таки еще побеседуйте после пятого урока.

— Думаете, он сегодня вернется в школу? Наверняка увистал на берег и будет купаться до обеда. Смыть горести и заботы. Ох, до чего я ему завидую...

Лейденская банка

Оксана Тарасовна была, конечно, права: домой Лесь не пошел. Он заскочил в класс, ухватил ранец и отправился к морю. Неожиданный подарок судьбы — два часа свободы — очень улучшил его настроение.

Еще больше настроение повысилось, когда в гуще сухого бурьяна Лесь нашел желтый флажок с черным кругом.

Потом Лесь побеседовал с незнакомой девочкой, но почти сразу о ней забыл. Пошел по берегу и сквозь пролом в стене пробрался на территорию Заповедника.

Здесь был тот же берег, то же море, но мир был другим. От него веяло древностью. Лесь ощущал это не только душой, но и каждой клеточкой кожи — так же, как солнечное тепло и мохнатое касание морского ветерка. Запах сладковато-горьких трав и нагретых камней тоже был запахом тысячелетней старины. Камни были остатками храмов и крепостных башен.

Лесь доверчиво растворялся в окружающей его ласковой древности. И этому чувству не мешали даже пестрые группы туристов, которые бродили среди развалин в сопровождении энергичных тетенек с мегафонами. Впрочем, туристов было немного. И к тому же

Лесь знал, чувствовал, что за невидимой, но близкой гранью лежат совсем пустые Безлюдные пространства...

Лесь миновал остатки базилики с редкими колоннами из пыльно-белого мрамора. Здесь берег стал ниже, обрыв превратился в отдельные скалы, которые теперь стояли поодаль от моря. А у самой воды тянулась полоса галечника, густо заваленная желтыми, обкатанными прибоем глыбами.

На галечнике было немало купальщиков-загоральщиков и аква-лангистов — несмотря на прибитое к столбу объявление, что купаться и нырять в водах Заповедника совершенно категорически запрещено и наказывается такое безобразие штрафом.

Лесь с удовольствием ступал босыми ногами по гладким голышам и пористым валунам. Поглядывал на тех, кто нежился на этом нелегальном пляже.

Два бородатых парня и девушка разложили на пестром платке всякую снедь: помидоры, копченую скумбрию, арбуз, батон. Парни, какая на бороды и блестя очками, по очереди пили пиво из блестящей заграничной банки. Лесь пригляделся. Заволновался.

Он подошел, встал на шатком камне, покачался с вежливо-выжидательным видом. На него посмотрели. Девушка была симпатичная. Парни — тоже. Этакие молодые люди «научного» вида. Лесь наклонил к плечу голову:

— Скажите, пожалуйста, когда вы допьете пиво, банка будет вам еще нужна? Или нет?

— А тебе зачем? Для коллекции? — понимающе спросил парень, чья борода была с рыжим отливом. А девушка сморщила облупленный носик:

— Это противно, когда дети собирают пивные банки.

— Мне не для коллекции. — Лесь давно уже знал, что отсутствие хитрости (если только без нее можно обойтись) очень помогает в общении с людьми. — Для научного опыта. Хочу сделать энергонакопитель.

— Что-что? — Это уже все трое, с веселым любопытством.

Лесь терпеливо объяснил:

— Накопитель энергии. Вы, может быть, слышали, что бывают такие особые банки, называются «лейденские». В них можно накапливать электричество. А здесь вот тоже написано: «Город Лейден». Я такую давно ищущу... — Лесь присел на корточки, пальцем коснулся золотистой жести.

Парни и девушка переглянулись. Рыжеватый хохотнул, но поперхнулся и объяснил с излишней серьезностью:

СОДЕРЖАНИЕ

Дырчатая Луна. <i>Повесть</i>	5
Самолет по имени Сережка. <i>Повесть</i>	117
Лето кончится не скоро. <i>Повесть</i>	245
Взрыв Генерального штаба. <i>Повесть-сказка</i>	397
Бабушкин внук и его братья. <i>Роман</i>	475
Полосатый жираф Алик. <i>Межзвездная повесть</i>	679
Лужайки, где пляшут скворечники <i>Роман Безлюдных пространств</i>	777